

Дар экстрасенса (сборник)

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Дар экстрасенса (сборник)

Анна и Сергей Литвиновы

Обычно вмешательство высших сил в нашу жизнь незаметно, но порой происходят события, переворачивающие все с ног на голову. Экстрасенсам дано видеть больше других и управлять тем, чему нет объяснения...

Порой судьба ставит нас перед нелегким выбором: между долгом и чувством, достатком и честью, совестью и благополучием. В такие моменты мы как никогда стремимся заглянуть в будущее, узнать, что нас ждет впереди, и, быть может, попытаться изменить свою судьбу... Именно об этом остросюжетные рассказы Анны и Сергея Литвиновых, которых миллионы читателей любят не только за увлекательные детективные интриги, но и за блистательный талант писать о том, что нельзя описать законами привычной логики...

Анна и Сергей Литвиновы

Дар экстрасенса (сборник)

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пыль на ветру

– Да в жизни я это не подпишу! Я вам что – идиот? – Заказчик отшвырнул договор.

А Вика весело подумала: «Ты не идиот, а купчина. Новоявленный миллионер. Нувориш. Денег много – ума мало. А дальновидности – вообще ноль. Мне еще бабушка говорила: «Держись от таких подальше».

Но что остается делать, если этот провинциальный купчина, дрожащий над своими скороспелыми миллионами, – их потенциальный клиент?

Вика Кулакова служила менеджером в крупной пиаровской фирме. Фирма считалась лучшей в столице. Принимали сюда по конкурсу, платили много, а над входом в офис висел нахальный мраморный плакат, точнее, доска: «Создадим имидж. Какой хотите».

И действительно – создавали. Серый чиновник превращался во влиятельного законодателя, плохо стриженный директор завода – в вальяжного бизнесмена. А теперь вот и новороссы-провинциалы потянулись. Из глубинки. Намыл у себя деньжат – и в Москву. Инвестировать. А чтоб инвестировать – ему имя нужно. И репутация. Ведь кому попало в столице ни участок под застройку не дадут, ни лицензию на игровой бизнес не выделят...

Такие вот провинциальные купчишки считались сложными заказчиками. И на переговоры с ними агентство отправляло опытных сотрудников. Таких, как Вика. У нее хорошо получалось уламывать даже самых строптивых клиентов. И этого – Антона Смолякова по кличке Смола – она тоже уломает. Это только вопрос времени. И нервов.

– Можно подумать, вы не имидж мне создаете, а памятник из чистого золота! – продолжал кипятиться Смола.

Вика спокойно возразила:

– Памятники ставят покойникам. А живым – монументы... Что же касается договора – я не настаиваю. У нас, как вы, наверно, слышали, клиентов хватает. Если у вас сложности с деньгами – можете найти агентство попроще. Экономите, конечно, только, извините, так и останетесь провинциальным «новым русским».

Она хладнокровно выдержала взгляд, призванный превращать «шестерок» в соляные столбы. И добавила:

– Вы, кажется, планировали в правительственном тендере участвовать. Так вот, у меня есть опасения, что вашу фигуру даже к основному конкурсу не допустят. Отметут на предварительном этапе.

– Волчица ты, Вичка, – простонал Смола.

«А ты засранец!» – быстро подумала она. И очаровательно улыбнулась:

– Во-первых, не Вичка, а Виктория Андреевна. А во-вторых, вы правы. Конечно, я волчица.

Демонстрируем превосходные зубы и игриво добавляем:

– Вот сейчас, например, когда полная луна, меня так и тянет в лес...

– Ладно, острячка... черт с тобой, – устало вздохнул Смоляков. – Подпишусь. Говорят, ваше агентство и правда чудеса творит.

Он тоскливо взглянул на графу сумма, скривился и чиркнул подпись – ручкой из чистого золота. «Надо будет заставить, чтоб поменял ее – хотя бы на «Монте Граппу», – тут же решила Вика.

Она быстро швырнула договор в сумочку. И продемонстрировала очередную белоснежную улыбку:

– О'кей. Вплотную работать мы начнем завтра. А сегодня – предварительный урок. Попрошу вас забыть это дурацкое прозвище – Смола. Нет больше Смолы, а есть – Антон Иванович. Серьезный, дальновидный, благородный человек. Филантроп. Меценат.

Бывший Смола оскалился:

– А ты мне нравишься, киска. Давай я тебя в клуб свожу. Какой тут у вас в Москве самый крутой?

– Спасибо, но вечер у меня занят, – отказалась Вика. И не удержалась, добавила: – Да и желания нет куда-то ходить со Смолой. Вот станете Антоном Ивановичем – тогда посмотрим.

...Никаких планов на вечер у Вики не было. Да, признаться, ничего и не хотелось. Вот бы действительно уйти в лес – и завывать. Или хотя бы побыстрее добраться до дому и зареветь. От усталости, от постоянного нервного напряжения, от бесконечных надменных клиентов...

Эх, стать бы снова маленькой девочкой – беззаботной и беспроблемной, и чтоб любимая бабуля была жива, и можно было положить голову ей на колени и чувствовать, как добрые старые руки стирают слезы со щек...

Квартира встретила ее тишиной и призрачным светом: в окна ломилась полная луна. «Толстенная! Не луна, а луница! – оценила Вика. – Как рожа у этой... как ее... Ну, певички, что мы недавно раскручивали».

Переодеваться она не стала. Плеснула себе коньяку. Распахнула окна. Упала в кресло. Со двора несся одуряющий запах сирени, в гаражах по соседству подвывали собаки.

«Было бы так всегда. Просто ночь и луна, и пахнет сиренью, и тихо. И никаких Смол, из которых надо делать благородных Антон-Иванычей».

Коньяк согрел горло, но усталости не снял. Вика, не раздумывая, плеснула еще. «Многовато я пью... Впрочем, с такой-то работой...»

Ей вдруг захотелось сделать что-нибудь глупое. Например, выйти во двор и наломать букетище сирени. (Ох, как в детстве они воевали за эту самую сирень со злыми соседками!) Или взять из гаража машину и поехать извозничать. И всю ночь просидеть за рулем, слушая нудные или трогательные истории пассажиров.

«Оставь, мать, – вяло осадил она себя. – Лучше еще коньячку, и все пройдет».

Была бы жива бабушка – о третьей рюмке речи бы не зашло. Не потому, что бабуля запрещала ей пить. Просто рядом с ней проходила любая тоска. Прижмешься к ней, взглядишься в любимые морщинки, уткнешься носом в халатик, от которого всегда пахнет милой «Красной Москвой»... Интересно, что бы сказала бабушка по поводу ее нового заказчика?.. Наверно, вот что: «Как ни закрашивай пятна у леопарда – все равно он хищник. А значит, извини за грубое слово, – негодяй».

– Да нет, бабуля. Какой он негодяй? Обычный деляга. Начальный капитал наворовал, а теперь хочет стать вроде как честным. И респектабельным. – Вика поймала себя на том, что отвечает вслух. Разговаривает с человеком, которого уже год как нет в живых...

«Так и с ума сойти недолго, – подумала Вика и попросила: – Отпусти уж меня, бабуля!»

Но ее так и подмывало пройти мимо бабушкиной комнаты. И вздрогнуть от счастья – потому что из-под двери пробивается полоска света. И ворваться в комнату, и увидеть в кресле знакомую сухонькую фигурку, и услышать ласковое: «Заходи, Викуля! Поболтаем...»

«Умерла бабушка – и болтать стало не с кем, – вздохнула Вика. – Кругом одни понты и деляги. Ох и сложно мне с этим Смолой придется!»

Да что ж ей так жаль-то себя сегодня? От коньяка, что ли? Или от усталости? Ей плясать надо, что противного заказчика уломала на полную сумму, а она, дура, куксится.

Луна за окном, кажется, раздулась еще больше. Значит, сейчас совсем поздно. По крайней мере, кому-то звонить – точно неприлично. Может, электронную почту просмотреть – раз уж вечер свободный выдался?

Вика включила свой лэп-топчик. Странная картина: синий экран компьютера, темная комната, а за окном таращится огромная луна...

Пока устанавливалось соединение, она пыталась вспомнить, когда в последний раз открывала свой личный почтовый ящик. Да, наверно, уже месяц прошел. Все не до того. Едва успеваешь деловые письма просмотреть – а они приходят на корпоративный адрес.

«Вот я бестолочь! – укорила себя Вика. – Мы же переписывались – с учителем из Карелии, с программистом из Сан-Франциско, со студентом из Болоньи... Просто так переписывались, для души. А я про них всех просто забыла!»

Вика запустила почтовую программу. Наверно, ее ящик от писем лопается... Но нет. В графе «Входящие» светится хиленькая единичка. Единственное письмо.

«Забыли. Все про меня забыли», – с досадой подумала она. Кликнула по жалкой единичке... и луна будто рассыпалась в миллионы осколков.

В графе «Отправитель» значилось: бабушка.

«Виктория! Возьми себя в руки. Это рекламная рассылка. Сейчас откроешь письмо и убедишься – обычная лабуда. Кто угодно мог бабушкой назваться. Пансионат «Бабушка» – где уютно, как дома. Школа вязания под названием «Бабушка». Или кафе с домашними пирогами...»

Позвольте, а обратный адрес какой? Info@totsvet.net. Ну надо же – «totsvet»! Совсем уж глупо. Она такую дрянь и читать не будет – не иначе какой-то шутник вирус прислал. Вика уже потянулась кликнуть мышкой на «Стереть», как вдруг в уголке экрана замигало: У вас ровно минута, чтобы открыть письмо. Иначе оно будет уничтожено.

Да что за бред такой? Вика поймала себя на том, что считает секунды. Двадцать пять, двадцать, пятнадцать... А луна, кажется, уже заходит – по крайней мере, в

комнате стало куда темнее. И от клавиш компьютера идет такой жар, будто изнутри он напоен огнем.

«Ладно, пусть вирус. Пусть компьютер сдохнет – подумаешь, велика беда. Я девушка предусмотрительная, все нужные файлы скопированы на дискетах. А компьютерная начинка... да и пес с ней, с начинкой. Но каковы эти ребята, кто занимается рекламной рассылкой, а! Вот раздразили! Надо этот метод запомнить – авось в работе пригодится...»

И Вика щелкнула по иконке «Открыть».

Дорогая внученька! Если бы ты знала, как я по тебе скучаю... Тут хорошо, большего сказать не могу. Огорчает одно: мы знаем то, что будет завтра, и через месяц, и через год... А живущие на земле ходят к гадалкам и не верят, что это горько, когда тебе ИЗВЕСТНО ВСЕ. Я так и слышу, как ты кричишь: «Бабуля, глупости! Ну расскажи же мне!» Нет, Вика. Не могу и не в силах. И так нарушаю все возможные правила. Но все-таки... Викушенька, родная моя! Ты – на неправильном пути, извини за глупые красивые слова. Сверни с него, если сумеешь! А я постараюсь тебе помочь, чем могу.

Целую тебя крепко-крепко.

Люблю, тоскую.

Твоя бабушка.

В окно раздался стук – противный, скребущий. Вика вскрикнула – нет, ничего страшного. Просто в квартиру просятся ветки сирени. И собаки на улице воют все громче. И луна, перезрелый апельсин, кажется, сейчас ввалится в дом. А экран компьютера медленно заплывает красным – словно наливается кровью...

«Связь прервана», – сообщает лэп-топчик.

Вика без сил откидывается в кресле, и тупо смотрит на пустую коньячную рюмку, и в ужасе думает: «Все. Допилась».

...Проснулась она на рассвете. Спалось на удивление хорошо. И сон снился приятный – про девушку, такую же, как она сама: умную, красивую и успешную. Только живет эта девушка не сейчас, не на изломе тысячелетий, а пятьдесят лет назад. В совсем другой Москве – с пузатыми троллейбусами и редкими «Победами». С Большим театром, в котором блистает Галина Уланова. С разговорами о том, что, может быть, в космос скоро полетит беспилотный корабль, а потом и человек... И однажды весенним вечером эта девушка узнает, что... Впрочем, такой сон даже записать не грех – в нем и сюжет есть, и характеры, и драйв... Просто не сон, а настоящее начало романа. Самое настоящее!

Может быть, это ночное видение и есть та помощь, которую обещала ей бабушка?

Вдруг завтра продолжение приснится, а послезавтра – следующая часть? А потом она и целый роман напишет?!

«Да ну, Виктория, ерунда, – осадил она себя. – Ты что, правда, что ли, веришь в письмо с того света? Привиделась вчера с усталости да с коньяка какая-то глупость...»

Но все-таки не удержалась и, даже не попив кофе, кинулась к компьютеру. Подключилась к Интернету, вышла в свой почтовый ящик... «Здравствуйте, Вика Кулакова»... Ящик забит почтой, семнадцать входящих. И никаких следов вчерашнего письма. Как обычно, море глупой рекламы и несколько весточек от сетевых друзей: «Куда ты пропала? Почему не пишешь?»

Вика быстренько состряпала типовые ответы: огромное сорри, работы выше головы, но как только разгробусь, так сразу... И отключилась от Интернета. «Значит, вчера у меня все-таки был глюк... Фу, дурочка, а ты что, сомневалась, что ли? Но сон я все-таки запишу. Будем считать, что записать его – утренняя зарядка. Зарядка для мозгов».

...На работе все шло как обычно. Ее шумно поздравили с удачным контрактом, шеф сказал, что он ею гордится. Антон Иванович, новый клиент, вчерашний Смола, звонил целых четыре раза, горел желанием приступить к работе. Говорить при этом желал непосредственно с госпожой Кулаковой, и секретарши тут же начали шептаться, что Вика с ним переспала... В общем, обычная жизнь

крупного пиаровского агентства. Колготная, суетная работа по превращению дерьма в конфетки. А сейчас, когда на носу выборы в Госдуму, спрос дерьма на превращение в конфеты существенно увеличился...

Викины телефоны разрывались – одни проблемы кругом.

Газетчики, которым заплатили за хвалебную статью, материал благополучно напечатали. Но сопроводили его собственным, совсем не лестным, комментарием. Клиент, разумеется, рвет и мечет...

Потенциальный депутат засветился в гей-клубе и попал под прицел ушлых фотографов из желтой прессы. «А негативы стоят дорого, – издеваются желтопрессные. – Пять косых минимум».

Ведущий прикормленного ток-шоу повел себя и вовсе нахально: «Я тут машину разбил. На хорошие деньги попал. Так что вашего гаврика из передачи придется выкинуть. Поищу тех, кто больше платит».

Так что приходилось и льстить, и упрашивать, и угрожать...

А попутно еще и концепцию разрабатывала – как превратить недалекого провинциального нувориша в комильфо и образец респекта. Смола от ее планов явно взовьется, а Антону Ивановичу должно понравиться.

Вечер тоже занят – уже договорились со стилистом. Вместе поедут к Смоле и будут внушать, что черный костюм с серыми носками не носят. И галстук с крокодилами годится только для частных вечеринок. И перстень с брюликом в два карата на переговоры лучше не надевать...

В общем, вернулась Вика поздно. А встала опять на рассвете. Потому что ей снова приснился сон про ту же девушку. Продолжение сна.

«Ты, кажется, хочешь прославиться? Ты хочешь, чтобы Большой театр рукоплескал тебе? Может быть, ты и о правительственном концерте мечтаешь? Чтобы Политбюро тебе аплодировало стоя? Так вот, морковка. Боюсь, что о славе тебе мечтать рановато. Лучше думай, как в живых остаться...»

На самом интересном месте Вика проснулась. Выскочила из постели, заварила кофию и засела за компьютер...

Прошло три месяца.

Смола уверенно откликнулся на Антона Ивановича, заменил смазливую секретаршу на опытную гримзу, все увереннее употреблял слово «генезис» и даже однажды посетил концерт Спивакова.

А Вика закончила свой роман.

Дело происходит в Москве. Пятьдесят пятый год. Любовь, студенты, балерины, молодые непричесанные поэты, убийство, бриллиантовое кольцо, тайна... Другая жизнь, другой мир. А герои – такие же, как мы. С такими же мечтами и стремлениями...

Она перечитала роман залпом – будто не сама писала, а Джеки Коллинз или Сидни Шелдон. И заключила: «Бабушке бы понравилось. Нужно мне его печатать».

Только как, интересно, это делается?

Вика, привычная к тому, чтобы ногой распахивать дверь в любой кабинет, вдруг ощутила непривычную робость. «Ну, отправлю я его по издательствам. А вдруг это полная чушь? И надо мной просто посмеются и сочувственно скажут, что я зря полезла не в свое дело?»

На ее взгляд – взгляд дилетанта – роман был хорош. В нем были и интрига, и эмоции, и любовь, и месть. Главная героиня получилась чертовски симпатичной... А бэкграунд – столица полвека назад – вообще вышел сверх всяких похвал.

«Но ведь это только мне роман нравится, – рассуждала Вика. – А у издателей, наверно, таких же рукописей полные шкафы, и они их в макулатуру сдают...»

Но отступить – то бишь укладывать роман в стол – это не в ее правилах. «Пошлют меня – и ладно. Работа, слава богу, есть. С голоду не пухну. А самолюбие, гордость, тщеславие... Да кто сейчас может себе позволить быть гордым? Только миллионеры», – постановила она.

И разослала копии романа во все известные ей издательства. Бабушка бы одобрила ее решение...

Из трех издательств пришли вежливые отказы. В одном – предложили опубликоваться под псевдонимом. Вика с удивлением узнала, что, оказывается, многих людей с раскрученными писательскими именами попросту не существует. Это всего лишь ширма, под которой прячется целая плантация литературных негров.

Еще одно издательство милостиво пригласило ее в так называемую «романную группу»: «Один роман у нас пишут пять человек. Должности такие: автор сюжета, автор диалогов, автор описаний, консультант по женским характерам, консультант по мужским характерам. Зарплата маленькая, но стабильная. Пойдете к нам сюжетником? Будем платить по двести долларов за сюжет».

Вика отказалась.

Похоже, что затея с романом потерпела полный крах... «Ну что ж. Не повезло! – утешала она себя. – Зато я время интересно провела. И многому, кажется, научилась. По крайней мере, свои мысли теперь формулирую лучше. И интригу для газетных статей придумываю закрученной».

...Но последнее из издательств (самое крупное в стране!) ее роман все-таки приняло.

Сумму гонорара назвали смехотворную – сто пятьдесят долларов. Первый тираж пообещали и вовсе мизерный – пять тысяч экземпляров в мягкой обложке. Зато долго говорили о том, что при упорной работе и «потоке романов» (шесть штук в год!) у нее может получиться когда-нибудь – лет через пять! – раскрутиться и стать звездой.

Вика была согласна на все. Ее роман – который и придумывать-то не пришлось, сам приснился! – скоро увидит свет. И будет лежать на прилавках всех

магазинов! И его станут читать в метро и трамваях, обсуждать на работе и дома, брать в библиотеках и у друзей!

– Мы работаем оперативно, – сообщили ей в издательстве. – И очень скоро ваша книга появится в продаже. А ваше дело – быстренько писать продолжение. Мы от вас ждем потока, потока таких же романов, понятно?

Вскоре ей действительно позвонила редакторша. Равнодушным голосом сказала:

– Ваша книжечка уже в продаже.

И Вика, наплевав на встречу с клиентом, пулей понеслась в ближайший книжный магазин. По улице шла с приятной опаской: а вдруг ее кто-нибудь узнает? Ведь на книге-то – ее фотография!

Она с важным видом спросила у продавщицы:

– Где у вас Кулакова?

– Кулакова? – нахмурилась тетка. – Та, что ли, что кулинарные книги пишет?

– Нет, это детектив, – радости сразу поубавилось.

– А-а... – протянула продавщица. – Не знаю такую. Сейчас детективы кто только не пишет. Посмотрите вон на тех полках, на букву К. Вон, видите – где Кирюшина, Кучаева и Колокольникова...

Вика на дрожащих ногах подошла к полке на букву К. Кирюшина, Кучаева и Колокольникова там действительно имелись. А ее романа не было.

Сначала Вика чуть не заплакала. Потом присмотрелась повнимательнее и поняла, что книги на полке стоят в два ряда. В первом помещались относительно раскрученные имена. Их даже Вика слышала. А во втором ряду стоял «второй эшелон». Там, в дальнем уголке, Вика обнаружила свою книгу...

«Но ее же здесь никто не найдет! – Кажется, на глазах выступили слезы. – Может быть, она стоит еще и на той полке, где новинки?»

Но и там своего романа Вика не нашла. Зато видела книги с табличками «Новая Кучаева» и «Новая Колокольникова». И поймала себя на мысли, что чертовски завидует этим неведомым кучаевым-колокольниковым...

Вика украдкой переставила свой роман на видное место. Поехала в еще один магазин – и снова переставила... И опять, и опять... Целую неделю занималась глупостями, чуть не все городские магазины объехала... Но только ей ни разу не довелось увидеть, чтобы ее роман кто-нибудь покупал. Или хотя бы просматривал. Не говоря уже о пассажирах метро. А ведь ей мечталось: все как один сидят, уткнувшись в ее книгу...

Даже на работе никто ни о чем не узнал. Не восхитился, не поздравил. Хотя многие девочки хвастались, что «читают практически все детективы».

«Значит, все было зря? – терзала себя Вика. – Зря я вскакивала ни свет ни заря? Зря описывала свою героиню? Зря вместе с ней любила, мечтала, боролась... Зря надеялась, что вместе с ней мы прославимся?!»

Домашний лэп-топчик покрылся пылью – Вика к нему даже не подходила. Отчего-то она возненавидела верный безотказный компьютер. «Пишешь вместе со мной роман, который никто не покупает!»

Позвонили из издательства. Вежливо напомнили, что ждут от нее новых произведений.

Вика рявкнула:

– Вы сначала этот роман продайте.

– Он продается, – сухо ответили ей. – Впрочем, не хотите писать – дело ваше. У нас авторы в очереди стоят.

И больше не звонили.

А Вика с новыми силами – теперь она хоть высыпалась! – окунулась в работу. Новые идеи, нестандартные ходы, свежие решения... В результате оба ее клиента, оплатившие депутатство, стали народными избранниками.

Провинциальный купчина Антон Иванович (бывш. Смола) тоже делал успехи: посещал детские дома, жертвовал круглые суммы художественным галереям, избавился от слова-паразита «в натуре» и выиграл свой первый правительственный тендер.

В качестве благодарности за успешную работу последовали ощутимая премия и лестное предложение – занять должность исполнительного директора.

– Соглашайся! – хором запели коллеги.

«Конечно, я соглашусь», – не сомневалась Вика и неуверенно улыбалась:

– Нет, мне надо подумать. Это же большая ответственность... Вдруг я не справлюсь?

Она думала весь вечер и всю ночь. Позеленела от кофе и сигарет – бабушка была бы ею недовольна... А утром первым делом отправилась к шефу.

– Ты, конечно, согласна, – констатировал он.

– Да... то есть нет. Я вообще-то к вам по другому вопросу.

– В чем дело? – Голос начальника сразу заледенел.

– Я... я добыла агентству новый контракт.

Босс сразу подобрел:

– Так-так... Ну, садись, рассказывай.

И Вика кинулась словно в омут:

– Сумма договора там небольшая, но клиент интересный. Это писатель. Правда, у него пока вышла только одна книга.

– Хорошая книга? – поинтересовался начальник.

– Нормальная, – пожала плечами Вика. – Но дело в том, что этот писатель утверждает интересную вещь. Говорит, книгу ему прислали с того света.

– Он псих? – брезгливо усмехнулся шеф.

– Нет, – твердо сказала Вика. – Абсолютно дееспособный. И вы знаете... похоже, он правда не врет про контакт с «тем светом». По крайней мере, рассказывает очень убедительно. И письмо мне показывал, которое ему оттуда пришло. Я с парапсихологами консультировалась – те готовы подтвердить, что письмишко это непростое. Какую-то, говорят, особую энергию излучает... Так что... На мой взгляд, прекрасный информационный повод...

– Да, что-то в этом есть, – задумчиво сказал хозяин. – А какой суммой он располагает?

– Пятьдесят тысяч долларов (все, что Вика скопила за семь лет работы в агентстве).

– Негусто, – вздохнул шеф. – Хотя тоже на дороге не валяется. А как его звать?

Вика вздохнула:

– Кулакова. Виктория Кулакова.

Шеф вскинул брови.

– Да. Этот писатель – я.

* * *

Концепцию пиар-кампании Вика составляла втайне – не хотелось раньше времени слушать насмешки коллег. Но когда план работы был готов, пришлось демаскироваться.

На удивление, смеяться над ней никто не стал. Наоборот – посматривали с уважением, а кто и с откровенным пиететом. А языкастая секретарша Лидка сказала:

– Роман, может, и дрянь. Но если уж сама великая Вика берется за его раскрутку...

План мероприятий получился, в общем-то, стандартным. Для начала – небольшие информашки в массовых газетах: «Писательница контактирует с потусторонним миром».

«Письмо с того света: независимая экспертиза подтвердила подлинность».

«Роман написал покойник».

Далее следовали более подробные газетные материалы – интервью, корреспонденции, очерки. В них Вика рассказывала о том, как она любила свою бабушку. «И вы знаете – я ведь совершенно нормальный человек, специально консультировалась у психиатров, – но только я всегда чувствовала: душа моей бабушки по-прежнему присутствует где-то неподалеку. И я даже могла входить с ней в контакт. Например, если я не могла решить какую-то проблему, то просто шла в ее комнату, смотрела на ее фотографию и задавала вопрос. И ночью мне обязательно снился сон, из которого было ясно, как поступить... А однажды... однажды я получила от нее письмо. Она писала, что с сегодняшней ночи мне начнет сниться роман. И моя задача – его записать и донести до читателей».

Присутствовало в Викином плане и телевидение – спасибо со многими ток-шоу и новостными программами были давно налаженные связи. Она выступала на тему спиритизма в ток-шоу «Постирушка», рассказывала о потустороннем мире в программе «Замочная скважина» и даже победила в интеллектуальной игре «Тонкая нить» (ответы на вопросы ей заранее предоставил прикормленный редактор).

А остаток Викиных сбережений пошел на наклейки в вагонах метро: «Событие года. Роман с того света. Виктория Кулакова. Спешите купить».

Далее бюджет истощался, но Вика надеялась: поднимется такой шум, что дальше о ней и ее романе будут писать уже бесплатно.

И она, как всегда, не ошиблась.

* * *

– Даже не знаю, как к тебе теперь обращаться. На «вы», что ли? – ворчливо сказал шеф.

Вика улыбнулась:

– Да ладно, бросьте. Сами же знаете – у нас только депутаты зазнаются. А нормальные люди смотрят на успех снисходительно. Сегодня он есть – завтра нет. Так, пыль на ветру...

– Не скажи, – покачал головой шеф. – По-моему, про тебя вся Москва говорит. И еще долго будет говорить. Сколько, ты сказала, книг уже продали?

– Всего-то миллион, – небрежно пожала плечами Вика. – Но это, в общем-то, копейки, лично мне – по рублю с романа. Я больше на за границу рассчитываю. Немцы уже права купили. Французы – тоже. И даже американцы – а вот это уже большой успех. Они обычно наших не читают. Но тут сказали, не могут упустить такой шанс. Упустить роман, который написала мертвая старушка...

– И почему у меня нет такой бабушки?! – вздохнул начальник. И заинтересованно спросил: – Слушай, ты, наверно, здорово испугалась, когда от нее письмо получила?

– Да слов нет, – согласилась Вика. – Я со страху чуть не умерла. Сначала тряслась, а потом думала, что у меня белая горячка начинается. Я в тот вечер коньячку приняла. Рюмки три...

– Ну, это не доза, – со знанием дела заключил босс.

– Не скажите, – возразила Вика. – Для меня – доза. Да и потом, что мне думать, когда я адрес отправителя читаю: info@totsvet.net? Какова конструкция, а?

Шеф пожал плечами:

– А я бы решил, что это обычная рекламная рассылка.

– Я тоже так сначала подумала, – кивнула Вика. – Хотела даже, не читая, уничтожить.

– Я бы стер, – кивнул шеф. – Мало, что ли, вирусов по Интернету присылают?

– Ну а я решила рискнуть и прочесть. И, как видите, правильно сделала!

Шеф кисло кивнул. Осведомился:

– Какие же у тебя теперь планы на будущее? Кстати, мое предложение остается в силе. Буду горд, если у меня появится такой заместитель, как ты.

– Спасибо, нет, – улыбнулась Вика. И призналась: – Мне уже начал новый роман сниться. Хочу уехать куда-нибудь подальше – и побыстрее его записать.

* * *

«Стрелка», натуральная «стрелка» – лучше не скажешь!

Но Антон Иванович уже привык, что слово «переговоры» звучит респектабельнее.

Проклятый макаронник, в натуре, оборзел!

То бишь «его контрагент в Италии в последнее время ведет себя менее лояльно, чем прежде».

«Нужно перетереть с ним лично», – решил Смола. И приказал секретарше заказать «первый класс» до Венеции.

Прилетел поздним утром.

Его никто не встречал. Но, к счастью, итальяшки по-английски понимали. Антон Иванович без труда втолковал, что ему нужно в отель «Риц» и поедет он туда не на водном трамвайчике, а на водном же, но – такси.

Антон Иванович в очередной раз помянул добрым словом Викторию Кулакову – крошка полгода шпыняла его, как последнего щенка, заставляла учить язык.

– За каким бесом мне сдался этот английский? – на правах заказчика психовал он.

– Пожалуйста, не кричите на меня, – просила Вика. И прибавляла: – Меценат, образованный человек, должен говорить хотя бы на одном иностранном языке.

«Да, а теперь на эту Вику не покричишь, – думал Антон Иванович. – Звезда, блин... Кстати, она ведь тоже тут, в Венеции, живет. Хорошо б ее на кофеек выцепить! Побазарить... тьфу, то есть поговорить о жизни, о том о сем».

...Дорожные сумки от «Вьютона» и дорогой костюм произвели впечатление, и водный таксист летел по Гранд-каналу, словно вихрь. А на гостиничном причале к моторке кинулись сразу трое холуев.

Антон Иванович позволил проводить себя в номер. Приказал:

– Пожалуйста, чашку кофе. Эспрессо, двойной. Далее. На два часа закажите столик в «Генрихе Четвертом», у меня переговоры. И еще. Как мне позвонить на остров Лидо?

На Лидо, островке миллионеров, снимала апартаменты Вика.

...Итальянский контрагент совсем не обрадовался неожиданному визиту делового партнера и на ленч согласился кисло. «Ничего, мы тебе рога-то обломаем!» – злорадно подумал Смола. А вот Вика была явно рада его звонку. И только усмехнулась, когда Антон Иванович сказал – с непривычной для себя робостью в голосе:

– Понимаю, что вы очень заняты. Но я прилетел в Венецию ненадолго... И мне очень хотелось бы повидаться с вами. В память о старых добрых временах.

– Смелее, Антон Иванович, – подбодрила его она. – Называйте место и время. Впрочем... вы же меня захотите роскошью поразить... Давайте лучше я вас сама куда-нибудь приглашу. Например, в тратторию Alla Scala. Это на окраине. Вдали от туристических троп. И кухня на удивление неплохая.

Он пришел в Alla Scala с цветами. Букет, на опытный Викин взгляд (к цветам она за последнее время привыкла), стоил баснословно дорого.

«Безупречен», – оценила бывшего купчишку Вика. Строгий, без пафоса, костюм. Скромно-дорогие часы. И, ура, ботинки не лакированные – как она его в свое время упрашивала, чтоб повыбрасывал обувь в стиле Аль Капоне!

– Прекрасно выглядите, – искренне похвалила она.

Антон Иванович смутился – впрочем, смущаться его тоже учила Вика: «Не надо этой вашей провинциальной распальцовки. Деньги, мол, пыль на ветру, и весь я из себя – не подступись. Люди должны доверять вам. А для этого вы должны вести себя так же, как они. Любить, бояться, смущаться...»

И вопрос бывший Смола ей тоже задал человеческий:

– Скажите, Вика... вы счастливы?

– Да, – ответила она искренне и быстро. – Да. Я сижу в своей квартирке. Она небольшая, но уютная, и окна выходят на набережную. Здесь так спокойно – особенно сейчас, не в сезон. И так приятно заниматься тем, что нравится... Целыми днями пишу. А вечерами езжу на Сан-Марко пить кофе. Меня никто не дергает, никто не достает. Да, я счастлива.

– А не страшно это? – Глаза Антона Ивановича горели от любопытства. – Не страшно постоянно входить в контакт с потусторонним миром? – Он процитировал: – «Известный психолог Повалеев утверждает, что регулярное общение с умершими людьми может привести к проблемам с психикой».

Вика усмехнулась:

– Видите ли, в чем дело...

Она задумалась. «Да ладно, подумаешь! Даже если и начнет он трепаться – никто ему не поверит. А коль поверит – мне уже все равно. Имя сделано».

И Вика тихо сказала:

– Дело в том, что я мечтала написать роман с самого детства. И написала, и его напечатали. Только... вы же знаете, как бывает со всем новым. С новым товаром. С новой книгой. С вами, наконец, – с новоявленным филантропом...

Антон Иванович смотрел на нее во все глаза. В тарелках стыла нетронутая лазанья. Вика продолжила:

– Итак, мой роман вышел, мечта детства сбылась. Только... он лежал в магазинах на дальних полках, и никто его не покупал. И мне стало так обидно! Вот тогда я и придумала всю эту легенду. С письмом от бабушки. Со снами, которые я якобы записывала... Потом разработала концепцию, обсудила ее с коллегами. Вложила в свою раскрутку все деньги – абсолютно все, что скопила на черный день. Мы наняли парапсихологов – эти мошенники с удовольствием подтвердили, что письмо, якобы пришедшее от бабушки на мой компьютер, создано не человеческими руками. Мы наняли известного психиатра, который выступил в прессе с заявлением, что я абсолютно здорова и единственное мое отличие от остальных – в экстремальных экстрасенсорных способностях. И люди с удовольствием подхватили эту легенду. И раскупили этот роман. А потом его уже и настоящие критики заметили. И западные рецензенты...

А парапсихологи – уже не купленные, а обычные – стали писать, что «автор, судя по психолингвистическим особенностям текста, и в самом деле входит в контакт с потусторонней силой».

Она улыбнулась:

– Вот и весь секрет, Антон Иванович. Роман мой – самый обычный, я вас уверяю. Таких – худших, лучших, без разницы – во всем мире продается полно. Просто я догадалась, каким образом мне выделиться из общей массы...

– Значит, ты все это придумала? – выдохнул Антон.

– Ну да.

– И бабушки тоже не было? – уточнил он.

– Почему же. Была, – вздохнула Вика. – И я часто ее вспоминаю. И скучаю о ней. И ставлю свечки за упокой ее души.

– То есть... ты нормальная? – Антон Иванович вдруг перешел на «ты». – И никакие покойники к тебе не приходят? Ты самая обычная, такая же, как я?

Вика хмыкнула:

– Ага.

И тут бывший Смола задал ей вопрос, за который Вика от всей души поставила ему пятерку с плюсом.

Он посмотрел на нее долгим, внимательным, мудрым взглядом и медленно проговорил:

– А бабушка?... Бабушка... Она на тебя не обидится?

Вика с полуслова поняла его. Она вздохнула и чистосердечно сказала:

– Я много размышляла над этим... И... я думаю... Я думаю, она меня простила... Она меня всегда прощала. Как и я ее...

Вика повертела в руках бокал с мартини и тихо, полупшепотом добавила:

– Она меня очень любит.

Лягушка

Зеркало в ванной – лучшая вещь в квартире. Волшебное оно, что ли? Или просто света здесь мало? Поглядишься в него – и душа аж поет. Чем не царевна? Глаза – огромные, взгляд – надменный, волосы – роскошные. Только дворца не хватает.

Марина улыбнулась своему отражению. Хорошо быть красивой! И вообще – все у нее хорошо. И друг, Костик, – классный, и работа – шикарная, а уж отпуск в такую жару – еще лучше, весь отдел обзавидовался! И у Костика – тоже отпуск, и они – вместе поедут на море! Или – в горы, или... решим, решим! Как хорошо, когда солнце плавит асфальт, а ты сидишь себе в прохладной квартире и выбираешь, куда поехать отдыхать. На Мальдивы, конечно, не хватит, но есть Турция, с чистым и теплым морем, с кебабом и обжигающим кофе. Есть Египет – разноцветные рыбки, акваланги, пахлава и свежесжатый сок на завтрак. А Испания – паэлья, сангрия, фламенко? А Италия – настоящая пицца и лучшие в мире шмотки! И совсем скоро столичная бледность сменится загаром, а слегка располневшие бедра похудеют в морских волнах, и Костик, она знала, начнет злиться, когда в ее сторону станут поглядывать восхищенные иностранцы.

– Костик, ну давай поскорей выбирать, куда едем! – приставала она.

А Костик, зануда, все размышляет. Он все время такой: сначала раз сто отмерит. Посомневается. Все просчитает...

Знакомый психолог сказал Марине, чтоб она на Костю не злилась: «Закон компенсации, милочка. Ты – шептунья, он – спокойный. У тебя в голове – ветер, у него – компьютер. Терпи, лапочка, с твоим характером тебе такой друг и нужен. Ты – гоночный болид, а он – твой ограничитель скорости».

Сначала Марина покорно ждала. Подсовывала Костяну рекламные проспекты. Расхваливала скромную простоту Европы и экзотику Азии. Но тот упорно темнил. Заводил странные разговоры о «поддержке отечественного производителя». Выступал с монологами об «экономичном планировании бюджета». Расхваливал «первозданные красоты российской природы».

Марина расстроилась и насторожилась: «Неужели куда в глушь позовет? К деревенской родне?! Или, того хуже, в поход на байдарках?!!»

Байдарки Марина ненавидела лютой ненавистью. «Раз так – поеду сама. И подцеплю симпатичного мулата», – мрачно решила она.

Но в пятницу, в последний рабочий день, Костик улыбался столь широко и счастливо, что у Марины на душе потеплело. Лукошко с привозной, синтетической клубникой, вино, свежкупленные махровые полотенца... И триумфальный взмах самолетными билетами:

– Мы едем в поселок моего детства! В Абрикосовку!

– Куда-куда? – встрепенулась Марина.

– На Черное море!

– В Турцию?

– Нет, на наше Черное море, на Кавказ! Я туда в школе на каникулы ездил! Знаешь, как там шикарно!

* * *

Поселок Абрикосовка прятался меж невысоких лесистых гор. Из аэропорта долго ехали перевалами, дорога то карабкалась вверх, то, извиваясь, ухала вниз. Водила, нанятый в аэропорту Краснодара, форсил пред столичными гостями. Ревел движком, визжал тормозами, пылил по обочине, обгоняя справа тихоходные фуры. Костя упорно и безуспешно просил шофера «слегка сбавить газ». Марина жадно вдыхала озоновый запах гор и далекого моря.

– Кость, а водные мотоциклы там будут? – кричала она сквозь рев мотора.

Костя сиял, обещал ей и мотоциклы, и парашюты, и «акулу» – пластмассовую колбасу, на которой можно кататься, прицепившись к мощной моторке.

– А ресторанчики? А массаж? А теннис? – не отставала Марина.

– Все, все, милая, будет!

И Костя закрывал ей рот поцелуем, и рука его ласково ползла по Марининой коленке, и водила тактично прекращал поглядывать на них в зеркальце...

Абрикосовка встретила ярким закатным солнцем и запахом перезрелой клубники. Марина увидела смешной, маленький рынок, прилавки, заваленные клубничными горами, отдыхающих с перемазанными ягодой лицами...

- Клубнику! - выкрикнула она.

- Будет! - радостно откликнулся Костя.

- Сейчас!

- Своя клубника будет! Прямо с грядки!

Машина пронеслась по центральной улице, свернула в переулок, потом - в следующий, забираясь все выше и выше.

- А где же море? - удивилась Марина.

- Море близко! Здесь все близко! Вот здесь, пожалуйста, остановите...

Марина, обалдевшая от дороги, от самолета и горных перевалов, выпрыгнула из машины. Водитель заглушил мотор, в уши ударила восхитительная, немосковская, тишина - только далекий петух возвещал о наступлении вечера. Костя расплачивался, Марина жадно разглядывала окрестности. Какие милые домики! И навесы, все увитые виноградом! И шезлонги в уютных дворах, пред цветочными клумбами... Им навстречу уже спешила хозяйка, целовала Костю, причитала, каким он стал взрослым, любопытно разглядывала Марину... Отвела их в отдельный домик. Маленький, квадратный, он стоял на пригорке, полускрытый инжировыми деревьями. Со стола улыбались коротконогие южные розы, в открытые окна бился теплый морской сквозняк.

- Распакуемся? - предложил Костя.

- Нет, на море!

- Так одежда помнется же!

- Уже помялась! Купаться! Купаться!

Костя хотел возразить. Но взглянул ей в лицо и безропотно полез в чемодан за плавками-полотенцами.

- Пирог! Специально пекла! - запротестовала хозяйка, когда они вышли из домика.

- Антонина Матвеевна, милая, мы не голодные, мы купаться, велосипед мой цел? - зачистил Костя.

Женщина улыбнулась. Прикрыла пирог полотенцем. Вздохнула:

- Цела, цела твоя развалина. Бери вон, в сарае. А Марина пусть на моем ехает.

И они понеслись сквозь южный вечер, мимо белых пятен домов, по висячему мостику через обмелевшую речку, по старинному парку, где терпко пахло эвкалиптами... Море ждало их, нежно шелестело теплой водой. Они сдали велосипеды милой пляжной сторожихе, и бросились в пену несильных волн, и поплыли наперегонки, и Марина выкрикнула, задыхаясь от скорости и терпкого запаха йода:

- Костик! Ты просто супер!

* * *

Марине было двадцать три, Костику - столько же. Но людям сторонним казалось, что ей - лет шестнадцать, а ему - ближе к тридцати. Марина - бесшабашный матрос. Плывет по жизни нахально, без карты и курса, спотыкается о рифы, дрейфует на опасных льдинах. Экзамен? Спишу. Работа? Найду по объявлению. Даже в отпуск и то ушла внезапно. Просто потому, что очень захотелось. Костику такого разгильдяйства не понять. Он совсем не такой, он капитан, у него все серьезно, с компасом и секстантом. Марина любила Костика, но иногда так на него злилась! Случайно достаются билеты на моднейшую премьеру, а Костик не может, у него в расписании курсы английского. «Да плюнь ты на

них! Подумаешь, разик пропустишь! Нагонишь потом!» – горячится Марина. А Костик хмурится, молчит – и идет-таки на свои скучные курсы. Или направляются они в пиццерию, там рекламная акция, салат-бар плюс пиво почти бесплатно. Весело, музыка, пиво хмелит, вкусная еда радует, Костя сыплет комплиментами. Официантка приносит карту десертов, а там – чудо-мороженое, с орехами, шоколадом, черносливинами. Разве удержишься? Костя, конечно, платит за ледяное чудо. Но злится:

– Мариночка, солнце, ну пойми! Мне не жалко этих шести долларов! Но дома я тебе такое же мороженое за полдоллара сделаю!

Ну что с ним поделаешь, с этим Костей... Ведь действительно – вроде не жадный. Просто зануда.

В Абрикосовке Костик изо всех сил старался вести себя идеально. Но занудство все равно иногда побеждало. Берут они, например, водный велосипед, и норд-ост уносит их чуть не в Турцию. Весело? Весело! А Костик ворчит, что обгорели и заплатили в итоге за целых пять часов проката. Или вот парашют, с которым можно болтаться за моторкой. Классно же! А Костя – давай причитать:

– Мариночка! Опасно! Парашют – подозрительный, лодочник, кажется, пьяный...

Но все-таки Костя старался, он изо всех сил старался. Они посещали местные ресторанчики с сомнительного вида шашлыками, пили кофе по-восточному, играли в теннис в самое дорогое, предвечернее время. Костя ей даже кукурузу на пляже покупал – по десять рублей за кочан, хотя на грядке у их квартирной хозяйки имелись сотни абсолютно бесплатных початков.

Антонина Матвеевна их баловала. Закармливала пирогами и тонкими, как пергамент, блинчиками. Варила вкуснейшие супы из собственных овощей. Украшала свежесобранную клубнику шапочкой взбитых сливок. Костя в обмен чинил ей чайники-утюги-розетки, и даже лентяйка Марина слегка приобщилась к хозяйству, нашла свою прелесть в поливании огорода: настоящий бег с препятствиями. Дотянуться до баклажанчиков, скрывшихся в дальнем углу... Балансируя на носочках, миновать россыпь клубничин...

Настоящие споры-ссоры начались только через неделю. Миляге Антонине Матвеевне пришлось срочно уехать в Краснодар к заболевшей внучке, и в

первое же самостоятельное утро Костик потребовал каши.

– Каши? – удивилась Марина. – Зачем?! Есть же клубника, и булки мы вчера на пляже купили...

– Не хочу булок, – закапризничал Костя. – Тебе что, сложно кашу сварить?

Марине было несложно. Знать бы только, как это делается... Кажется, в молоко нужно сыпать манку... В общем, каши не получилось. В графу «убытки» попали: литр молока, два стакана крупы и новенькая кастрюлька. Костя сначала ворчал, потом смеялся. А вечером они снова поссорились. У Костика оторвалась пуговка на любимых шортах, а неумеха Марина пришила ее так, что пуговица снова отвалилась и безвозвратно затерялась где-то в винограднике, где они занимались любовью.

– Неужели тебя мама таким элементарным вещам не учила? – искренне недоумевал Костя.

Из-за пуговицы он расстроился, она какая-то особая была, с чьим-то там гербом.

– Если ты такой умный, сам и пришивай! – огрызнулась Марина.

– Но это женское дело, – возражал он. – Мои сестры и готовить умеют, и шьют, и вяжут...

– Зато сидят в школьных училках, – парировала Марина. – А у меня – университетский диплом, карьера, зарплата, перспективы.

– Ну, а если дети пойдут? – возражал рассудительный Костя. – Как же ты им будешь кашу варить?

Марина пока не задумывалась о детях. Будут дети – будем и думать. А сейчас ей просто хотелось вдосталь напиться свободы, моря, танцев, легкого грузинского вина. Костя же портит ей все настроение своими занудными разговорами. «Вот они, издержки Абрикосовки, – грустно думала Марина. – Поехали б в Турцию – и никакой каши варить не пришлось бы. А пуговицу любая горничная за доллар бы пришила...»

Но, к счастью, Костя, раздобревший от отдыха, недолго кручинился о своей эксклюзивной пуговке. Марину простил, шорты заколол булавкой, и они отправились в самый модный абрикосовский ресторан – в устье реки, под могучими тополями. Захватили самый лучший угловой столик, ели баклажанчики с орехами, запивали их терпким домашним вином, танцевали под фальшивое, но искреннее пение местного оркестра: «Как уп-пои-ии-тельны в России вечера...» Марина прижималась к крепкому Костиному плечу, и чувствовала его сильные руки на своей талии, и думала нежно: «Ах ты, зануда... Но зато с тобой так надежно...» На Абрикосовку наваливалась ночь, разыгрался ветер. Тревожно шумели тополя, вдалеке сердилось-шумело море. Марина и Костя, веселые и чуть-чуть пьяные, шли пешком домой, навстречу теплому, буйному норд-осту, и абрикосовские собаки радостно лаяли им вслед... Брести от ресторанчика до дому оказалось далеко, они шли почти час. Уставшие, не стали даже пить чаю, быстро поцеловались на ночь, плюхнулись по кроватям и провалились в сладкий отпускной сон. Ветер трепал занавески, шелестел брошенной на стуле одеждой и играл их волосами...

* * *

Лягушка проснулась поздним вечером. Спала она всегда в зарослях винограда, днями здесь темно и прохладно. Только тут и можно жить, когда такая жара кругом! А сейчас, когда закатилось солнце и воет-волнуется ветер, пора выходить на прогулку! Лягушка полупала глазками, потянула лапки. Прыг – и она уже в цветнике. Прыг – попала на теплый после жаркого дня бордюр. А это еще что за тряпки развеваются на ветру? А за ними – черный, теплый квадрат... Прыг-прыг, ее подхватывает кто-то сильный, ничего себе, какие порывы ветра, и она уже падает на что-то мягкое, жаркое. Прыг, прыг...

– Ой, мама, мама! – раздается громкий, отчаянный визг.

– Марина! Что? Что?!! – вскакивает с постели Костя.

– Ай! Кто это! Костя! Костя!!!

Он спотыкается о брошенный у кровати шлепок, врезается в стул... дотягивается наконец до выключателя. Смеется.

– Марин, успокойся... Это лягушка! Всего-навсего лягушка! В окно, наверно, запрыгнула.

– Лягушка?!

Она с ужасом смотрит на темно-зеленый бугорок в его ладонях. Лягушка сидит смиренно, мерцает глазами-бусинками, шевелит перепончатыми лапками.

– Фу, гадость какая! – с отвращением говорит Марина.

И эта дрянь прыгала по ее щеке!

– Почему гадость? – не соглашается Костя. – Смотри, какая она хорошенькая...

Марину передернуло. И снова она подумала: «Зачем, зачем я поехала в эту глупую Абрикосовку! Каши, пуговики, теперь того пуще – по дому лягушки прыгают!» И Костя, кажется, считает, что это в порядке вещей! Поглаживает гостью по спинке, приговаривает:

– Испугалась, малышка, бедная...

Просто смотреть противно!

Он подходит ближе к Марине:

– Ну что ты боишься? Смотри, какая она аккуратненькая... Хочешь – потрогай.

– Убери ее! – взвизгивает Марина. Нервы от этого Костика уже на пределе! – Сам своих лягушек трогай! Или целуйся с ними!!!

Костя спокойно отвечает:

– А что? Вот возьму и поцелую.

К ужасу Марины, он наклоняется и чмокает лягушатику в холодный болотный нос.

- Фу, не могу смотреть!

Марина в ужасе отступает, прыгает на кровать, вжимается носом в стену. И вдруг слышит мягкий, хорошо поставленный женский голос:

- Приветствую тебя, повелитель...

Она приподнимается. Что за наваждение?! Входная дверь распахнута, и на пороге стоит девушка, в дурацком кокошнике и с дурацкой косой. Ее платье стелется по полу, глаза опущены долу, но, надо признать, девка чудо как хороша. Костыка на нее во все глаза уставился.

- А ну, пшла вон отсюда, - выпаливает Марина.

Ну и дурацкий же сон ей снится! Но гостя на нее - ноль внимания. Подгребает к Костыке (бедрами, зараза, так и трясет!), преклоняет пред ним колени. Ее коса - густая, дрянь! - волочится по полу.

- Что вам угодно, мой повелитель?

Марина хочет вскочить с кровати, но у нее не получается, ее к ней будто приклеили. А Костик меж тем принимает девахин поцелуй и вежливо спрашивает:

- Девушка, вам кого?

- Как кого? Вас, - хлопает бесстыжими зенками она. - Я теперь ваша собственность.

Современное, не сказочное слово «собственность» режет Марине ухо. Она презрительно говорит:

- Под царевну-лягушку косишь, шалава?!

Девка по-прежнему на нее фунт презрения. Пялится на Костика, как на бога, приговаривает мягким речитативом:

– Господину угодно массаж? Или ванну с розовым маслом? Может быть, ужин, чай? – Она понижает голос и интимно добавляет: – Или желаете – меня?..

А Костька, гад, пялится ей на сиськи и благостно внимает!

– Так, а ну пошли вон отсюда! Оба! – рявкает Марина.

Девушка слушается. Она встает с колен, протягивает Косте холеную белую руку... Он, млея, подхватывает ее под локоток... Стукнула дверь. Ушли... За окном по-прежнему бесится ветер. Марина щиплет себя за ладонь: проснись, проснись скорее! Но не выходит. Все остается по-прежнему: и свет в комнате, и пустая Костина кровать, и даже его забытые пляжные шлепки... И тогда Марина оборачивается к стене и начинает горько плакать.

* * *

Проснулась Марина поздно. Ни следа вчерашнего шторма. В окна ломится солнце, нахально чирикают воробьи.

– Костька... Кость... – говорит она, не раскрывая глаз. – А какой мне дурацкий сон снился...

Ответа нет. Марина подсакивает на кровати. Постель Кости пуста, и его одинокий шлепок из вчерашнего сна застыл на том же самом месте. А в комнате до сих пор горит электрический свет.

– Что за чушь... – бормочет Марина.

Торопливо накидывает халат, бросается во двор... Костик босиком колдует над электрической плиткой, бьет в сковородку яйца. Она бежит к нему, не разбирая дороги, топчя хозяйкины цветы. Обнимает, утыкается носом в крепкое плечо:

– Костик, милый! Ты тут!

Он удивленно откликается:

- А где же мне быть?

Отстраняется, солит свою яичницу, предлагает:

- Ты завтракать будешь?

Марина радостно, чуть не плача, шепчет:

- Буду, конечно, буду! Ты только подожди, я сейчас тебе кофе сварю. А хочешь, гренок пожарю? С молоком, сахаром, знаешь, какие вкусные?!

- Чего это с тобой? - не понимает он.

Яичница на сковороде подгорает и разъяренно шипит.

- Уйди, уйди, Костян. Я дожарю, - торопливо говорит Марина.

- Да ты не умеешь! - улыбается Костя.

- Умею! - решительно отвечает она. И твердым шепотом добавляет: - А не умею - так научусь.

* * *

Освоить яичницу, гренки и кашу оказалось совсем не сложно. И даже забавно. Кухонная наука - это вам не скучное шитво, здесь и пофантазировать можно, и эксперименты поставить. В конце концов, и царевны должны уметь готовить! Добавляешь в яичницу болгарский перчик, помидорчики, кинзу - вот тебе и испанский колорит, Костик аж урчит от восторга. А как кардинально улучшаются гренки, если посыпать их домашним овечьим сыром! Марина даже сметанник собственноручно испекла, хотя Костя пугал, что выпечка - это высшая стадия кулинарного искусства. Но у Марины пирог с первого раза вышел что надо: и взошел, и пропекся, и не подгорел.

Костик долго не верил в сказочное превращение Марины-лентяйки в Марину-хозяйку. Смотрел на нее подозрительно, ждал подвоха. Но, как и все мужики, к

хорошему вскоре привык. И когда Марина, подвязанная кокетливым фартучком, плюхала перед ним блюдо с аппетитными гренками и подносила кофе, его плечи расправлялись от важности...

Отпуск продолжался. Днями пропадали на пляже, вечерами – по дискотекам и ресторанчикам. Марина изменилась и в светской жизни. Костя только глазами хлопал, когда вместо безапелляционного «купи два бочкарева» она ласково спрашивала:

– Костюш, я б «бочкарева» выпила... А ты какое пиво хочешь?

Или:

– Ой, из «Титаника» песня... Может быть, потанцуем?

– Что с тобой стало, Маришка? – недоумевал Костя. – Ты такая мягкая стала, ласковая...

– Тебе не нравится? – кокетливо улыбалась она.

– Что ты! Тебе это очень идет...

Он подозрительно взглядывал на ее довольное, разглаженное лицо и добавлял:

– Может... ты того, залетела?

Она хохотала:

– Не дождешься!

И добавляла тихо:

– А может быть, и дождешься. Через годик-другой...

Костя кивал:

– Согласен. Через два года нам по двадцать пять будет. Самое время для первенца.

«Вечно ты со своими планами-графиками», – раздраженно думала Марина. Но молчала. Она больше не станет его подкалывать, не станет с ним спорить. Потому что дурацкий, явственный, остро-правдивый сон про царевну-лягушку никак не идет из головы...

В последний день отпуска они проторчали на пляже с двенадцати до пяти, в самое жаркое время. Марина пряталась от солнца то в море, то под зонтиком, а Костя, решивший увезти с юга эксклюзивный загар, отчаянно обгорел. О прощальном походе в ресторан пришлось забыть. Костя еле добрал до дома и рухнул в постель. Марина мазала его кефиром и прикладывала ко лбу прохладное полотенце. Но все равно у Кости поднялась температура, кожа запылала красными пятнами, он лежал грустный и тихонько постанывал. Марина напоила его чаем со льдом, сунула таблеточку аспирина... И решила: домашние средства здесь не помогут. Косте нужен крем от солнечных ожогов. И она его достанет. Чего бы это ей ни стоило.

В ближнем к дому сельпо о подобных кремах даже не слыхивали. Но одна из покупательниц вошла в положение, напрягла извилины и отправила Марину в центр поселка, к рынку: там, кажется, целый лоток со всякими кремами есть.

Марина бодро прошествовала через Абрикосовку и без труда отыскала на рыночной площади палатку, украшенную крупной вывеской: «ОЖОГАМ ОТ СОЛНЦА – БОЙ!» Отлично, цивилизация, оказывается, докатилась и до Абрикосовки. И французские кремы есть, и польские, и даже эмульсия нового поколения, где-то она про нее читала, что ожоги заживают в момент.

– Мне «Эвелину», и «Амбр Солер», и...

Она подняла глаза на продавщицу и ойкнула.

За лотком стояла царевна-лягушка! Только уже без кокошника и без роскошной косы. Обычные, выжженные югом патлы и довольно-таки толстоватые ноги, обтянутые мини-юбочкой. И громадные сиськи, так и лезут наружу из-под грошовой маечки. Вот уродина!

Девушки смотрели друг на друга. Марина – ошарашенно, «лягушка» – смущенно.

– Ты... ты...

– Здравствуйте, Марина, – пролепетала продавщица.

Марина, все еще охваченная суеверным ужасом, прошептала:

– Ты кто?

– Я – Костина подруга, – опустила глаза «лягушка».

– В каком это смысле?!

– С детства. Мы играли вместе...

– И что? – наступала Марина.

– Давно не виделись. И вот он приехал. И мы встретились. Случайно. На улице.

– И?!.

– Кофе попили. В кафе. Он меня пригласил. Вспоминали, как мы в детстве в театр играли. Он и попросил меня... – «Лягушка»-продавщица осеклась, опустила глаза. Прошептала: – Попросил... Разыграть вас... – А потом вдруг закричала: – У нас с ним ничего не было! Мы вас просто разыграли, и все!..

– Спасибо за представление, – ледяным тоном произнесла Марина. И резко отвернулась.

Эх, дура я, дура! Стараюсь! Готовлю! Ластюсь! Думала, высшие силы мне предупреждение послали – чтоб любила Костика, берегла, ценила! А вместо сна-вещуна – провинциальная комедия! Но как все срежиссировали хорошо, черти! И я, идиотка, поверила! Ну нет, я вам этого так не оставлю!

Марина властно сказала:

– «Эвелину» мне дай, «Амбр Солер» и эмульсию. Да не суетись ты – не эту! Вон, синяя упаковка...

«Лягушка» послушно и суетливо побросала тюбики в пакет.

– Вот ваши крема... – прошептала она. – Извините, Марина, пожалуйста... Мы же хотели как лучше...

– Кому – лучше?! – выкрикнула Марина.

Отвернулась от горе-царевны и двинулась прочь с рынка.

Устроить Косте скандал – немедленно? Или чуть подождать? До выздоровления?

* * *

То ли чудо-эмульсия, то ли ласковые Маринины руки быстро подняли Костика на ноги. В полночь, когда южная луна засияла в полную силу, они уже сидели в гамаке в зарослях винограда. Вдыхали теплые запахи, слушали сверчков, следили за светлячками. Вдалеке по-прежнему шумело море, но шумело уже не для них, завтра с утра они улетают.

– Сказка... Настоящая сказка... – бормотал Костя. Обнимал ее, целовал, гладил.

Марина отдавалась его сильным объятиям. Мысли метались: «Предатель. Но как целуется! Зануда. Иван-дурак хренов. Местечковый шутник...»

– О чем ты думаешь, милая?

– Да так... просто считаю звезды.

«Сказка. Костик придумал для себя сказку. Что ж, завязка у сказки вышла. Только чем она закончится?»

Марина тоже обнимала Костика, и прятала лицо на его сильной груди, и шептала:

– Какой ты красивый и сильный...

И слова ее были правдой. А мысли все равно летят вскачь.

«Это было даже забавно – готовить гренки, пришивать пуговицы. Любопытно хоть раз в году побыть послушной царевной-лягушкой, золушкой-рабыней. Но в Москве он от меня этих глупостей не дождется! Да и вообще – останусь ли я с ним в Москве? Зануда. Хлюпик. Хотя нет, в Абрикосовке он возмужал, раскрылился... И даже почти не нудит. Так что в итоге вышло, что всем хорошо? А что? Я готовку и шитво освоила, а Костик со своим занудством вроде покончил. Прямо хоть новый раздел семейной психотерапии основывай – сказкотерапию».

– Ты меня любишь, Маришка? – между тем требует Костя.

И Марина, не колеблясь, отвечает:

– Здесь, в Абрикосовке, – люблю.

Она решила: тут, в приморском поселке, сказка закончится, как и положено в сказке, хеппи-эндом. А вот что будет в Москве? Посмотрим.

Может, там водятся другие сказочные персонажи? Ну, например, Гарун аль-Рашид. Или – кот в сапогах.

Или – принц на белом коне.

Сердцем на восток

Алексей Данилов, художник двадцати двух лет от роду, подъехал к клубу на собственном «Фольксвагене»-«жуке». И автомобиль, примерно вдвое старше Алексея, и сам художник являли собой самое живописное зрелище.

Машина была расписана всеми цветами радуги, так что напоминала клубок перьев жар-птицы. Прежний хозяин уверял, что некогда на автомобиле ездил Джордж Харрисон. Врал, конечно. Но от этого Данилов любил и холил своего «жучка» не меньше.

Художник захлопнул дверцу автомобиля. Сам он выглядел сегодня вечером даже более прикольно, чем «жучок». Нынче Данилов щеголял в серебристом плаще с красным подбоем и в серебристого же цвета штанах. На голове его красовалась маска из папье-маше: точь-в-точь добрый инопланетянин, как их представляют создатели голливудских фильмов, – большие глаза, высокий зеленый лоб, милая улыбка. Маска была выполнена с большим искусством (над ее созданием художник проработал весь прошлый уик-энд), так что случайный наблюдатель, увидевший Данилова, непременно бы воскликнул: «Вот он! Вот он, настоящий, подлинный инопланетный гость! Где же агенты Малдер и Скалли? Где Академия наук?!»

В отличие от «жучка», который носил свое радужное оперение постоянно, Данилов надел маску, равно как и плащ с серебристыми штанами, сегодня первый (и, наверное, последний) раз в жизни. В будни ему приходилось одеваться в водолазки и строгие брюки. Заокеанские хозяева его дизайнерской фирмы ни за что не позволили бы своим сотрудникам посещать присутствие в серебристых плащах с красным подбоем – даже таким талантливым и высокооплачиваемым, как Данилов. Спасибо хоть галстуки не заставляли носить.

Сегодня, субботним вечером, художник вырядился в инопланетянина на карнавал по случаю Хеллоуина. На балу обещали конкурс костюмов, и Данилов заранее предвкушал, как трехлитровая бутылка мартини, что сулили в качестве первого приза, оттягивает ему руку.

В самом радужном настроении Данилов поспешил к клубу. Осенняя прохладная ночь охватила его. Водители-«бомбилы», коротавшие досуг у своих тачек в ожидании клиентов, с изумлением воззрились на него. При виде инопланетянина они, казалось, потеряли дар речи.

– Эй, парень, да на тебе лица нет! – наконец весело выкрикнул один из шоферюг.

– Может, тебе похмелиться надо? – участливо спросил другой.

И все весело заржали.

– Н-га пуэн-га бенго гело пуэн-го, – гортанно проговорил Алексей на разработанном им инопланетном наречии, что, разумеется, означало: «Приветствую вас, жители планеты Земля!»

– Вась, кажись, он тебя обложил, – весело предположил один из водителей, и они снова расхохотались.

Художник сделал группе «бомбил» непонимающе-приветственный жест и поспешил ко входу.

У входа его уже ждал друг-«пират». Дима нацепил черную повязку на глаз, голову укутал красной банданой, мощный торс прикрыл тельняшкой. На плече его сидел попугай – не настоящий, разумеется, а плюшевый, из отдела мягкой игрушки. Натуральная шкиперская бородка удачно дополняла пиратский костюм.

– Н-га пуэн-га, Д’ъима! – приветствовал компаньона Данилов.

«Пират» внимательно рассмотрел его одеяние и с оттенком зависти проговорил:

– А ты хорош, сто якорей мне в глотку!

Вместе они вошли в клуб. С гостей в карнавальных костюмах входной платы не брали, и, несмотря на то, что друзья не испытывали по жизни особых материальных затруднений, эта халява их порадовала. Вместе они поднялись по крутой лесенке в зал. Данилов расправил волосы рукой.

В зале уже изо всей мочи грохотала музыка. Она звучала так громко, что пол вибрировал под ногами. Казалось, будто полутемные стены то расширяются, то сужаются в такт с биениями басовых звуков. Публики имелось изрядно. Большинство танцевало. Кое-кто сидел в полутьме за столиками. Данилов с удовольствием заметил, что не одна пара девичьих глаз обратила на него свое внимание, достаточно благосклонное.

Метрдотель проводил их к заказанному столику. Уселись. Данилов бегло осмотрел толпу. Масок имелось больше, чем он ожидал, но никакая не шла в сравнение с его. Все те же черти, змеи, Дракулы, Фредди Крюгеры, цыганки, Зорро, негритянки и Кармен.

К их столику подошла официантка. Перекрикивая музыку, в самое ее ушко друзья сделали заказ. «Пират» попросил джин с тоником, Данилов – воды со льдом. Данилов принципиально не принимал ничего искусственно взбадривающего. Никаких сигарет, травы, таблеток, марок. Может, только пару легких коктейлей за вечер. Организм должен уметь веселиться и расслабляться самостоятельно. Для этого есть музыка, движение и девушки.

Да, девушки... В глобальном смысле план сегодняшнего вечера был очевиден. «Пират» с «инопланетянином» его даже не обсуждали. И так: сперва они расслабляются и танцуют, подыскивая и проверяя – на глаз, на запах, а если получится, на ощупь и на вкус – кандидаток. Потом пикируют на отобранных. Охмуряют. Остаток ночи проводят в квартире Данилова – по счастью, двухкомнатной.

Данилов даже представить себе не мог, каким драматическим исключением из обыденного времяпрепровождения окажется его сегодняшняя ночь.

...Ее он заметил почти сразу. Она была в костюме восточной женщины, дочери гарема. Однако одеяние являло собой компромисс между суровыми нравами Востока и свободой европейского найт-клуба. Животик открыт, словно у турецкой танцовщицы. Руки оголены, ноги соблазнительно скрыты под легкими полупрозрачными шальварами. На оголенных запястьях и лодыжках – браслеты. Лицо задрапировано паранджой. Оставлена только щелка для глаз. Глаза, насколько можно заметить, лукавые, смешливые, черные. Движения рук в танце неповторимо плавны и изящны.

Возле нее на танцполе уже увивались двое каких-то хлыщей. Данилов, верный своему принципу: если действовать, то действовать не медля и не раздумывая, – единым духом допил ледяную воду и устремился по танцполу, рассекая танцующих, к восточной незнакомке. Как раз окончилась одна мелодия, двое хлыщей взяли тайм-аут, и Данилов оказался лицом к лицу с девушкой.

Глаза ее встретили его благосклонно. Загремела музыка – сто сорок ударов в минуту. Данилов сделал несколько па, не отрываясь глядя девушке в глаза. Она не отвела взгляда, ответила ему двумя движениями, полными изящества.

Все громче музыка, все яростней ритм... Они ничего не говорят друг другу – да и мудро услышать хоть слово в таком грохоте. Они танцуют друг против друга. Движения незнакомки, как и положено, быстры, однако странным образом исполнены восточной неги. Данилов тоже танцор не промах. Он импровизирует нечто инопланетное. Двигаясь перед девушкой, Алексей по-прежнему не отрываясь смотрит ей в глаза. Незнакомка столь же пристально и даже, как кажется художнику, призывно глядит на него своими лучащимися глазами в щелочку паранджи. Их взгляды похожи на детскую гляделку, на скрещивающиеся клинки, на поединок лазеров. В них больше эротики, чем в ином объятии.

В таком же положении, один напротив другого, они импровизируют еще один танец. Данилову жарко под его маской. От пота солонь губы. Взгляд девушки, и движения, и завораживающий ритм – все это действует на него гипнотически: на секунду ему кажется, что он впадает в транс. Только глаза напротив, мельканье обнаженных рук, всполохи огней, ритм, сдавливающий уши... Мерно подпрыгивающая толпа... Трое-четверо заводил-танцоров на сцене... Данилов видит это как в полусне...

Музыка наконец стихает, но диск-жокей тут же ставит новую мелодию. Данилов по первым же аккордам слышит, что это старинная и прекрасная «Hotel California», и он делает шаг к восточной незнакомке, нагибает в легком поклоне голову, приглашая ее на медленный танец. Она кладет ему руки на плечи. Они оказываются удивительно близко – ближе, чем можно было представить еще минуту назад. Даже странно в первый момент, что он уже не видит ее глаз. Его ладонь ложится ей на спину. Спина ее влажна от пота, и это возбуждающе, трогательно и щемяще.

Теперь они столь близки, что могут поговорить в грохоте музыки. Данилов знает, как многое зависит от первой фразы, поэтому он тщательно обдумывает ее. Произносит так близко, что его губы почти касаются ее уха: «Я с планеты Б'Гхор. Мы там размножаемся почкованием». Она искренне смеется и утыкается в его плечо. Он, кажется, оправдал ее ожидания.

Данилов ведет партнершу. Она доверчиво-послушна его рукам. Из-за ее плеча он мельком оглядывает зал. Друг-«пират», кажется, тоже не промахнулся: он танцует с дивчиной в украинском национальном костюме, с лентами в волосах. Ее необъятный бюст горячо вздымается у самой пиратовой бороды. Заметив взгляд Данилова, «пират» за ее спиной поднимает вверх палец: все, мол, пучком, идет по плану. Данилов прикрывает глаза. Сейчас, рядом с незнакомкой, этот жест «пирата» представляется ему чересчур циничным.

- Но знаете ли вы, - продолжает Данилов, развивая свой успех, над ушком незнакомки, - что на нашей планете Б'Гхор умеют любить. В сердцах каждого бгхорянина живет легенда о прекрасной девушке с далекой Голубой планеты. Она прячет свое лицо под вуалью...

Девушка смеется, отклоняя голову от его шепота. В зале совсем притушили свет, а щемящая, волнующая мелодия все длится, длится...

«Боже, что за чушь я несу», - думает Данилов и продолжает говорить и говорить прямо в ее маленькое розовое ушко:

- ...И каждый, каждый взрослый бгхорянин мечтает достичь Голубой планеты и оказаться в ее объятиях. И тогда он может произнести Самые Главные Слова, и это будет означать для него наступление Великого Блаженства...

Она уже не смеется, но улыбается, он чувствует это. От нее веет незнакомыми восточными, но легкими духами. Данилов бережно сжимает ее талию, и ему кажется, что он никогда еще не дотрагивался до талии более нежной и сладострастной. В зале совсем гасят свет, и они оказываются в полной темноте. Песня уже подходит к концу.

- Что же это за слова? - впервые слышит Данилов ее голос - он оказывается кокетливым и серебристым, и вопрос звучит в самый подходящий момент.

- О, эти слова, - отвечает Данилов, его губы касаются ее ушка, - звучат как «Н'га ньюну нью!», что по-бгхорянски означает: «Я люблю тебя!»

Музыка кончается, над залом зависает страннозвучащая, ослепляющая и оглушающая тишина. Он по-прежнему держит ее в своих объятиях. Она чуть отступает, высвобождаясь. И тут происходит неожиданное. В полной темноте -

он чувствует происходящее по легчайшему дуновению от ее движений – она откидывает свою паранджу и целует его в губы. Он отвечает ей. Она вырывается и ускользает.

Данилов стоит оглушенный. В его жизни бывали разные поцелуи. Страстные, фальшивые, холодные, завлекающие, мелкие, старательные, ученические, упрямые, уступающие, съедающие, по-матерински нежные... Но такого еще не было ни разу. Это был поцелуй человека, понимающего и принимающего тебя. Всего, без остатка. И если получасом раньше, когда Данилов подходил к девушке, он чувствовал себя, словно охотник, вскидывающий ружье, а еще через пятнадцать минут, глядя в глаза незнакомки, подозревал, что влюбляется, то теперь он, кажется, впервые в жизни понимает, что он... что он ее... что он ее в самом деле... в самом деле любит...

И тут на сцене вдруг что-то магниевое блеснуло, ослепительно грохнуло. Зажегся ярчайший, нестерпимый свет. Данилов невольно зажмурил глаза. Где-то в вышине раздался усиленный репродуктором бой часов. Бум! бум! бум!.. Пробило двенадцать ударов. Данилов проморгался. Девушки рядом с ним не было. Толпа танцующих стояла неподвижно, глядя на блистающую сцену. Данилов беспомощно озирался. Незнакомки не видно. А на залитую светом сцену выбежал вертлявый, узкоплечий хлыщик. Схватил микрофон.

– Добрый вам вечер, добрейший вечерок, милоствые государи и государыни, – скороговоркой проговорил конференсье, – бон суар, дорогие товарки и товарищи, дамы и господа, ледис энд джентльменс!

Приветствуя сам себя, конференсье вскинул руку. В зале раздалось несколько жидких хлопков. Данилов продолжал оглядывать зал. «Пират», глядящий на сцену уже в обнимку с «хохлушкой», сделал ему приветственный жест. Данилов не ответил.

Незнакомки нигде не было видно.

– Сейчас мы приступаем, – развратным голосом продолжил конференсье, – к самой волнительной, кулиминационной ноте вечера. Наши условные часы проббили условную полночь – и что это означает? А это, господа и товарищи, означает, что пора сорвать все и всяческие маски и обнажить друг перед другом свою сущность!.. Хорошо сказал, да? – спросил у зала ведущий, напрашиваясь на

овацию (редкий аплодисман был ему ответом). Ничуть не смущаясь, хлыщ продолжил: – Наше высокоуважаемое жюри, в составе которого Валентин Юдашкин, Юбер Живанши, Ив Сен-Лоран и Коко Шанель... (многозначительная пауза)... не присутствовали! Тем не менее наше многомудрое жюри подвело итоги творческого состязания среди вас, мои дорогие друзья!.. Итак! Третье место и ма-аленькую бутылку шампанского от клуба и от наших дорогих спонсоров получает... получает Пират! Прошу на сцену!

Пират-Дима оставил свою «хохлушку» и стал пробираться к сцене. Более-менее горячие хлопki приветствовали его. Данилов перестал озираться. «Ну мало ли куда она делась, – успокоенно подумал он. – Придет». Он не верил, что его внезапная любовь может вот так исчезнуть, оставив его посреди зала с горящим поцелуем на губах.

– Второе место и бутылку ша-ампанского побольше, – продолжал нести чушь конференсье, – получает... получает... вот уже сейчас получит... Инопланетянин!

Взоры обратились к Данилову. Раздались хлопki. Он прошел сквозь любопытную толпу к сцене.

Конференсье одарил его влажным рукопожатием и литровой бутылкой шампанского. Данилов сорвал с себя маску. Ему похлопали. Со сцены он оглядел весь зал, все столики. Ее по-прежнему нигде не было.

– И, наконец, пер-р-рвое место! – продолжил за его спиной вертлявый хлыщ (Данилов возвращался со сцены, сжимая никому не нужную бутылку). – Его получает Дитя Востока, Дочь гарема!..

Раздались аплодисменты. К сцене никто не шел. Народ принялся оглядываться. Нет, никто не пробирался на подиум.

– Где Дочь Востока, Дитя гарема? – призывно спросил конференсье. Ни малейшего шевеления в зале. – Эй, Гюльчатая!.. Зухра, Лейла! – в третий раз позвал вертлявый со сцены.

– А Саид не нужен? – выкрикнул кто-то из толпы. В окружении шутника засмеялись.

Незнакомка не находилась.

– Ну что же, дамы и господа, милостивые государи и государыни, наверное, наша гостья с Востока отошла, чтобы поправить... поправить свою паранджу. Она непременно вернется, и мы обяз-зательно вручим ей эту чудесную трехлитровую бутылку от нашего сегодняшнего спонсора! Да-да, будем уверены, что Гюльчатай еще откроет свое личико!.. А сейчас – сейчас перед вами выступает группа «Ногу свело»!!! – Толпа взвыла. – И я передаю свой микрофон лидеру группы Максиму Покр-р-ровскому!

«Вау!» – взревела толпа. Девушки запрыгали и захлопали.

Данилов вернулся к своему столику.

Дима-«пират», без банданы, попугая и наглазной повязки, сидел уже рядом с «хохлушкой». Его призовое шампанское было откупорено. Данилов со вздохом поставил на столик свой подарок.

– Познакомься! – прокричал приятель, пытаясь перекрыть первые аккорды группы. – Это Оксана!

«Хохлушка» протянула Данилову ладонь лодочкой.

– А где твоя? – бесцеремонно прокричал «пират». Данилов пожал плечами.

– Мальчишки, танцевать! – капризно проговорила Оксана, встала и потянула Диму за руку. Тот покорно пошел. Данилов остался сидеть.

Прошло еще десять минут. Пятнадцать... Полчаса... Незнакомка не появлялась. И вдруг Данилов с внезапной отчетливостью понял, что она не придет. И когда он подумал об этом, полутемный зал показался ему еще темнее. Стены будто приблизились, потолок начал опускаться прямо на него. Данилов вскочил и бросился вон.

Толпа бесновалась и подпрыгивала, вздымая вверх руки. «Рамам-ба хара мам-бу-ру!» – хрипел со сцены Покровский. Зал хором подпевал. Одна из танцорш, словно в экстазе, трясла головой.

Данилов осмотрел все закутки клуба. За барной стойкой сидели совсем чужие люди. В единственном туалете, одновременно и мужском и женском, никого не было. «Да что я творю?» – с досадой подумал Данилов. Но он все-таки сбежал по ступенькам вниз. У раздевалки тусовались посторонние личности. Юный гардеробщик читал Гессе.

– Скажи, – нетерпеливо постучал по стойке Данилов. Юноша поднял от книги затуманенный взор. – Тут не одевалась такая девушка – восточная, в шальварах и парандже? – Сердце его замерло в ожидании ответа.

– Одевалась, – равнодушно кивнул гардеробщик.

– Давно?!

– Да с полчаса назад.

Данилов бросился к шкафоподобным охранникам у входа. Задал тот же вопрос. Затаив дыхание, ждал ответа, уже зная его.

– Ушла, – безразлично подтвердил охранник.

– Куда? С кем?

– Ну, это уж я не знаю, – насмешливо бросил шкафообразный.

«Может, она ждет меня на улице?» – мелькнула у Данилова безумная мысль. Он выскочил наружу. Конечно, ее там не было. Холодная, пустынная ночь, люминесцентные огни – и больше никого.

– Боже! Черт! Фак! Шит! Гадство! – проорал Данилов и, словно обиженный маленький мальчик, затопал ногами.

Возвращаться в клуб казалось невыносимым. Ночь, танцы, карнавал, суббота – все это потеряло для него всяческое значение. Он пнул банку из-под спрайта – ее звук далеко разнесся по спящей Москве – и направился к своему автомобилю. Уже заведя мотор, он вспомнил, что забыл на столике свою призовую бутылку шампанского. «Ну и бог с ней! – злобно подумал Данилов, вырывая от

тротуара. – Пусть Пират пьет!»

...Как ни странно, белый свет следующего дня вовсе не успокоил Данилова. То, что случилось вчера, не представлялось ему ничего не значащей тенью, как он втайне надеялся и как вспоминаются иногда ночные приключения. Он по-прежнему словно чувствовал в руках талию незнакомки. Ее грациозные движения плыли перед его глазами. Его губы ощущали ее поцелуй, казалось, еще ярче и мучительней, чем ночью.

Новая мысль пришла Данилову в голову. Не успев толком выпить кофе, он бросился из своей холостяцки запущенной квартирki обратно в клуб.

Днем в воскресенье заведение выглядело более чем пустынным. Охрана равнодушна, гардероб закрыт, бармен принимает товар, давешний конференсье за столиком в углу хлебает щи. Ко всем живым существам Данилов подступал с вопросами. Что за девушка? Видели ли ее здесь раньше? Не знакомая ли она кого (раз уж получила первый приз)? Может, кто-нибудь хоть что-то знает о ней? И от всех он получал ответы – искренние, он видел это, любовь обострила его зрение и интуицию: никто ничего о ней не знает, никогда нигде раньше не видел.

Данилов остался во мраке клуба на весь день (шло воскресенье). Пил кофе, кока-колу, съел бифштекс, заказал бутылку минеральной... Он наблюдал, как к вечеру клуб оживает, приходят первые посетители, потихоньку разогревают себя и зал диск-жокеи... Ко всем служащим заведения Данилов приставал с расспросами про девушку. Его принимали за сыщика, а скорее за сумасшедшего. Но никто ничего про незнакомку не ведал. Всякий раз, когда в зал входил новый посетитель, сердце у Данилова вздрагивало. И всякий раз то была не она. Бесплодно просидел он в «****» до двух часов ночи и потащился домой, донельзя расстроенный и разбитый. Его уже не радовала ни осенняя прохлада, ни красавец «жучок», ни обычно вдохновляющий его пустынный московский ночной пейзаж...

...Назавтра был рабочий день, и Данилов явился в присутствие на сорок минут позже срока, разбитый и равнодушный ко всему. Вскоре приехали на переговоры заказчики. Данилов потащился в переговорную комнату. Директор всегда просил его присутствовать на обсуждениях. Бывало, что он выдавал шефу кардинальную идею сразу после того, как заказчики уходили. За это его в фирме и ценили. Но нынче был не его день. В ответ на приветствия гостей Данилов не

шутит, как всегда, а лишь вяло улыбался. Рецепционистка-секретарша принесла всем кофе. Данилов равнодушно выслушивал требования заказчиков. Те – как желают всегда и все на свете заказчики – хотели, чтобы их буклеты и плакаты, стенды и макеты рекламных объявлений выглядели: а) красивыми, б) стильными, в) не такими, как у других, г) лучше, чем у «Пепси», «Нескафе», «Липтона» и всех других фирм, вместе взятых.

– Ну, такими, – пощелкал в воздухе пальцами заказчик, толстый армянин, – чтобы ты, как их увидел, сразу б захотел купить!.. Можете девок нарисовать, даже голых.

– Как у «Пирелли»? – выскочил директор.

– Не знаю, как там у Пирелли-шмирелли, но таких, чтобы их сразу купить захотелось!

Через два часа бесплодной болтовни и жизнерадостных директорских уверений в том, что они сделают все так хорошо, что просто пальчики оближешь, Данилов наконец-то смог уединиться в своей закусочной. Позвонил на ресепшн, заказал себе еще кофе. Рецепционистка-секретарша принесла, игриво улыбнулась художнику, но, не дождавшись даже «спасибо», надула губки и упорхнула к себе.

Перед внутренним взором Данилова парила фигурка незнакомки, двигались ее руки, пылали ее глаза. Губы до сих пор помнили вкус ее поцелуя. Данилов со вздохом включил компьютер. Работать не хотелось. Он достал из стола бумагу, взял карандаш. Посмотрел бессмысленно в окно. Рука его сама стала набрасывать абрис незнакомки. Изгиб ее руки. Она в танце. Крупно: ее глаза.

Зашел Дима-«пират».

– А! – жизнерадостно закричал он, увидев рисунки. – Все бабы, все бабы! А «хохлушка» – прелесть! – «Пират» почмокал. – А куда ты делся? Мне пришлось ее на дачу в Малаховку тащить!.. Что, Гюльчатай свою искал? – Он заржал, кивнув на рисунки. – Ну и как, нашел?

Данилов молча покачал головой. «Пират» снисходительно похлопал его по плечу:

– Давай-давай, тренируйся!

Заглянул в даниловский закут и директор. Кивнув на рисунки, сухо спросил:

– Это что?

– Это?.. – Данилов покраснел. – Это эскизы к новому заказу.

– А ну дай глянуть. – Посмотрел, хмыкнул: – А что, может быть, и так... Но лучше давай-ка подумай о моделях. Кого пригласим, как и кто их будет снимать...

Директор ушел, но Данилов задумался совсем не о моделях и не о том, кто их станет фотографировать. «Кто она? И как мне ее искать? – мучительно размышлял Данилов. – Что я о ней знаю?.. Разрез глаз?.. Изгиб руки? Тембр голоса, сказавшего одну-единственную фразу? Вкус поцелуя – одного-единственного поцелуя?»

...Весь вечер после работы и половину ночи Данилов провел в клубе «****». Это была единственная зацепка, единственная ниточка. «Если она побывала там однажды, – думал он, – то знает сюда дорогу. И, значит, рано или поздно придет».

В тот вечер она не пришла.

А назавтра все повторилось. Он клевал носом на работе, поглощал в бесчисленных количествах кофе, который уставали таскать ему секретарши, через силу пытался работать, а к вечеру опять помчался в клуб.

И опять ее там не было.

Как не было ни послезавтра, ни два дня спустя, затем в клубе был выходной, и Данилов наконец отоспался. Он возлагал особые надежды на уик-энд, но ни в пятницу, ни в субботу, ни в воскресенье ее опять не было.

«Что ж я так тупо ее выслеживаю! – вдруг подумал он, бреясь утром в понедельник. (Зеркало в ванной отражало изможденный лик, горящие глаза,

ввалившиеся щеки.) – Я же творческий человек! Отчего бы мне не применить детективные способности? Метод Эркюля Пуаро. Или, допустим, Ломброзо. Или учение доктора Фрейда?.. Не знаю, что уж там писал по поводу маскарадов венский ненормальный психоаналитик, но разве в карнавальном костюме не отражается личность хозяина? В том, что именно он хочет скрыть своим костюмом, а что подчеркнуть?.. Взять, к примеру, меня. Если вдуматься: почему я переоделся тогда не кем-то другим, а именно инопланетянином?.. А?.. Да потому, что, буду откровенен перед самим собой, считаю, что я совсем не такой, как прочие люди; я иной, инакий. Иначе мыслящий, иначе чувствующий – совершенно особенный! Вот она – правда. Вот почему ты выбрал именно этот костюм!.. А Дима – отчего он оделся пиратом? Да оттого, что он пиратом себя видит. Именно таким хочет быть: агрессивным, напористым, раз-раз – и взял на бордаж!.. Ну, а тогда зададимся вопросом: почему она избрала для себя паранджу? Зачем играла в восточную женщину?.. – Данилов залез в ванну, включил горячую воду. Впервые после встречи в клубе у него забрезжила надежда, и он даже начал вслух декламировать: – «Кто она: царица? Дочь полей? Княжна?..» – Врубил ледяную воду, от контраста перехватило дыхание. – Может, – подумал он, когда пустил теплую и пришел в себя, – она восточная женщина? Армянка, азербайджанка, персиянка? Фу, тогда получается все плоско!.. Неинтересно. И у нее совсем иной, не восточный разрез глаз... А может, она своей паранджой хотела подчеркнуть, что она – одна из?.. Одна из гарема... Ну, то есть, что она – одна из команды, из коллектива, из большой и дружной семьи... Нет. Насколько я знаю женщин, ни одна никогда не считает себя одной из... Для них хуже нет оскорбления, чем сказать: «Ты похожа на NN» – пусть эта NN хоть Мэрилин Монро... Тогда почему она выбрала паранджу?.. Может, она хотела сказать своим нарядом, что бессловесна и покорна?.. Но зачем же она тогда, черт возьми, от меня убежала?!»

Нет, ничего у него не вырисовывалось. Он вышел из ванной и в одном полотенце на бедрах прошелся по квартирке. Ничего не получалось. Ни тупо сидеть в исходной точке – клубе «****», ни придумывать на основании карнавального наряда незнакомки ее психологический портрет... Психологический портрет... Портрет...

И тут его осенило. Ведь он художник – значит, он должен написать ее!
Написать!

...Все следующие десять дней Данилов посвятил тому, что работал над портретом незнакомки. Он рисовал ее такой, какой он ее помнил. Десять

вечеров кряду после службы, а также все выходные он запирался дома, отключал телефон, питался сплошной пиццей – и работал, работал... Впервые за полтора последних года он пользовался не компьютером, а писал на холсте. Набрасывал эскизы... Он изображал ее такой, как запомнил: паранджа, прорезь для глаз, летящий изгиб руки... Наконец на одиннадцатые сутки он добился, чего хотел: девушка на портрете была неотличима от оригинала. Единственное, чего он боялся: что его память приукрасила ее.

Пока он самозабвенно работал, пошли и улеглись снега. У «жучка» сел аккумулятор. Данилов стал ездить на работу в метро. Оказалось, там ходит очень много девушек, и он напряженно всматривался в них. Дважды его сердце давало перебои: ему казалось, что это она. Он бежал следом, бесцеремонно хватал за руку, разворачивал, вглядывался... Разочарованно отступал, убегал, не извинившись...

Он попросил своего приятеля по училищу выставить портрет девушки на вернисаже у парка Горького. Продавцы на вернисаже жалась под крышами деревянных павильончиков, пили много чая и водки. В павильоны задувала поземка. Покупателей было мало – в основном иностранцы. У них особым спросом пользовались матрешки и ушанки.

Знакомый посмеялся, но портрет незнакомки выставил. К изображению Данилов приложил объявление. Эту листовку он набрал на лазерном принтере в формате А2:

ПОРТРЕТ НЕ ПРОДАЕТСЯ!

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

WANTED!

Тот, кто узнал на этом портрете

свою знакомую (или тем более себя) —

пожалуйста, позвоните по телефону.....

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРУЕТСЯ!

ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ!

HELP! ПОМОГИТЕ!

Прошло еще четыре недели. Заказчик-армянин отверг первый вариант макетов, предложенных Даниловым.

Алексей купил новый аккумулятор, поставил зимнюю резину и снова стал ездить на «жучке». Еще четырежды он побывал в клубе «****» и раза три посетил другие клубы. На объявление с портретом откликнулись только шутники (или шутницы – последние, звоня ему, возможно, имели в виду нечто большее, чем просто розыгрыш). «Пират» с сожалением наблюдал за Даниловым и пытался знакомить его с «безотказными (по его словам) телками». Данилову это было неинтересно до отвращения. Рецепционистки-секретарши наперебой говорили Данилову, как он осунулся и похудел.

Подходило католическое Рождество. Все ждали Нового года. Народ сметал в магазинах подарки. Данилову было некому и нечего дарить – разве что духи маме. С двадцать пятого декабря по седьмое января в фирме, где он работал, объявили каникулы. Пират зазывал в Словакию кататься на лыжах. Данилов решил, что лучше поедет на старую родительскую дачу: будет топить русскую печь, в одиночестве спать, читать и писать.

На двадцать четвертое декабря в конторе наметили традиционную вечеринку. В этот раз она должна была пройти, в целях корпоративной экономии, не в ресторане, а прямо на рабочих местах. В шесть часов собрались в переговорной комнате. Столы блистали икрой, шампанским, рыбой, маслинами и апельсинами. Собрались всей фирмой: два содиректора – с русской и французской стороны, дизайнеры, «мэна'геры» (как в шутку называли здесь менеджеров по работе с клиентами), компьютерщики, курьеры, все четверо секретарш-рецепционисток. Данилов был хмур и бледен. Только сейчас он вдруг с безнадежностью понял, что поиски его ни к чему не приведут. Он впервые задумался о том, что ему надо забыть незнакомку. Ее поцелуй на его устах звучал уже слабым дуновением,

словно давно забытый запах духов.

Откупорили шампанское. Директор с французской стороны произнес тост. Выпили. Ему ответил российский содиректор. Данилов впервые в жизни пил шампанское наравне со всеми. В голове с непривычки зашумело. «Пусть идет все к черту, – с мрачной решимостью подумал он. – Напьюсь!» После третьего тоста в комнате стало угарно. Разряженные сослуживцы заговорили наперебой. Стол подвергся разграблению. Данилов не принимал участия в общем разговоре. Он взял бутылку, подпер стену и молча подливал самому себе шампанского. Ему вспомнилась та бутылка, что он выиграл два месяца назад в клубе «****». «К черту, к черту, к черту! – злобно говорил он сам себе. – Забыть, забыть, пора забыть!» После четвертого или пятого бокала сослуживцы показались ему вдруг необыкновенно милыми. «Вот, к примеру, Пират. Пижон, конечно, и нахал, но, в сущности, хороший парень; между прочим, добрый и ранимый... А вот девушки-секретарши: принарядились все к празднику, наслаждаются обществом и мужским вниманием, – как они хороши! Может, приударить за кем-то? Что я в самом деле живу анахоретом? Гоняюсь за призраком? Жизнь-то продолжается... А одна из них – как ее, Люда? Лена? – очень даже ничего... И чем-то похожа на Незнакомку... Улыбается... И на меня глазами посверкивает... Может, за ней мне и приударить?..»

– У меня есть тост! – вдруг прокричал, перекрывая шум, из своего угла Данилов. Все замолчали и удивленно воззрились на него – на всех совместных мероприятиях из Данилова и слова нельзя было вытянуть.

Чувствуя обращенные на него взгляды, Данилов подошел к столу, развязно налил себе в бокал водки, воздел его над головой и хмельным голосом проговорил:

– За вас! За вас, м-мои дорогие! Я вас всех люблю!

Все засмеялись и зааплодировали. Эффект был таким, словно бы заговорила Джоконда. Данилов залпом хлопнул водку. Народ взялся хлопать еще пуще.

Довольный произведенным эффектом, Данилов отошел в свой уголок. Вскоре в голове его помутилось. «Да я никак пьян», – с изумлением подумал он. Розовые огни расплывались в его мозгу.

Вдруг он почувствовал на своем локте цепкую руку. Это был «Пират».

– Пойдем, – потянул он его.

– К-куда? – Губы не слушались, и ноги не слушались, и в голове клубился блаженный туман. Как приятно было впервые за два месяца забыть о незнакомке, клубе, парандже... О поцелуе, о портрете...

«Пират» повлек его куда-то. Данилов безропотно подчинялся. Они прошли мимо тихих полусонных столов офиса. Данилов ощущал блаженное примирение с чужой волей.

«Пират» завел его в кабинет босса. Усадил Данилова на скользкий кожаный диван.

– Давай поспи, – пробурчал он и мягко уложил Данилова.

– Нельзя... я пойду... со всеми... – пробормотал Данилов.

– Спать! – прикрикнул «Пират» и вышел из кабинета. Данилов силился встать – и не мог. Комната сделала оборот вокруг него. Раз. Другой. Он почувствовал тошноту, но через секунду уснул. Просто провалился в черную яму.

...Сон его оказался блаженным. Ему снился поцелуй. Это был тот самый поцелуй, которым одарила его незнакомка в клубе, – не холодный, не страстный, не игривый, не уступающий, но понимающий, принимающий, любящий... Тот поцелуй, что могла дать ему всего одна женщина во всем мире. Он почувствовал, что просыпается, и изо всех сил пытался продлить сон, потому что понимал, что наяву незнакомка и ее губы растают без следа.

Как ни не хотел этого Данилов, он все-таки проснулся. Он не понимал, что с ним и где он находится. Все вокруг было темно. Алексей лежал, одетый, навзничь. У его изголовья сидела девушка. Прохладная ее рука лежала на его горячем лбу. Это был не сон.

Она молча наклонилась и еще раз поцеловала его. И это тоже не было сном. Опять тот самый поцелуй. Тот самый, что он ощутил тогда во мраке клуба, тот

самый, что он искал все эти долгие недели, тот самый, что только что снился ему. Это походило на блаженство.

Через минуту – а может, через век – она оторвалась от него.

– Кто ты? – испуганно, не веря в свое счастье, пробормотал он.

– Я – она, – весело проговорила девушка. Это был тот самый голос, голос с серебряными колокольчиками.

– Как... Как ты нашла меня?.. – прошептал он, привставая на своем кожаном ложе.

– Я всегда была здесь, – со смехом ответила она.

«Здесь... здесь...» – отозвался в нем ее смех. И вдруг он все понял. Истина ослепила его. Она – одна из тех, кого он не замечал, кто молча таскал ему кофе, кого он видел в офисе каждый день...

– Боже... – выдохнул он. Потом крепко схватил ее запястье. – Я тебя никуда не отпущу!

– Будем надеяться, что теперь – нет, – легко и весело отозвалась она. И добавила лукаво: – Раз уж ты так долго искал...

Нагадали убийство

Римке в последнее время везло на убийства. То ли она их сама своим неугомонным характером притягивала, то ли место работы – детективное агентство Паши Синичкина – сказывалось... Но обо всем по порядку.

Новогодние каникулы рыжекудрая секретарша проводила дома, в родном городе. Бой курантов, как в семье было заведено исстари, встретила с родителями. Прочие выходные проводила с друзьями и подружками, благо их на

родине осталось ох как немало. Ходили на лыжах в близлежащих лесах, в кафешках часами просиживали, в баньке парились. На святки Римму и еще четверых подружек пригласила к себе в загородную избушку Эля Черногрядская.

– Гадать будем! – возбужденно предложила она. – Как раз самое подходящее время для гадания, от Рождества до Крещения... Крещенская вода с нас потом все грехи смое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/dar-ekstrasensa-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)